

Читатель!

Эта книга не является продолжением «Болтливого сфинкса». Её события происходят вскоре после «Колодца Посейдона» и предшествуют «Локону Афродиты».

Дмитрий Емец

Глава 1

ВЕЛИКАЯ ГОНКА

Человек, которому не нравится жизнь, похож на туриста, который заявился в лучший в мире дендрарий, отыскал в углу тазик с удобрениями, сунул туда голову и орёт: «Тут гадко! Верните мне деньги за билет!»

*Академик
Сарданапал Черноморов*

Сейчас, в шеститысячное мгновение послерассвета, чащоба казалась вымершей. Замшелые, с ревматическими стволами деревья жались друг к другу. Лишь отдельные деревья отважно выбегали из толпы на холм, точно вооружённые полукруглыми ножами бойцы-обреченцы. Они и были обреченцами. Здесь, в стороне от леса, дневной жар спалит их за десять-двадцать лет. В тес-

ной и влажной чащобе они прожили бы около ста. Но на открытом месте некоторые из них успеют разбросать семена, и жизнь леса будет продолжена.

Солнце — главный, но не единственный бич этого мира — висело на небе как приклеенное. Огромная, выжигающая глаза этикетка. Таня старалась, чтобы глаза не поднимались выше спин тех, кто бежит впереди. Когда долго смотришь на солнце, веки тяжелеют, глаза наливаются кровью и тянет в сон. Причём, раз уснув, легко и не проснуться.

Если оглянуться, можно различить вдали, в половине верстулы, несколько хромящих фигурок. Фигуры напоминают толстых людей с горбами. Но это не люди. Это грифарлусы, падальщики, или, как тут шутят, гробовых дел мастера — нечто среднее между пингуинами и грифами. Птицы, которые не летают, а ковыляют. Неловко, медленно, но неутомимо. Тридцать верстул, пятьдесят, сто — для них это не расстояние. Сегодня грифарлусы ковыляют за ними с самого старта. Интересно, им кто-то сказал, что будет добыча, или догадались сами?

Хотя мог уже выработаться инстинкт. Великая Гонка проходит каждый год. И обычно десятая часть всех, кто бежит, гибнет. Сколько лет грифарлусы питаются человеческим мясом? А ведь было время, говорят, когда они довольствовались дохлой рыбой и животными.

«Того паренька, что наступил на гнирду, уже доели. И того, что сломал ногу, когда бежали по камням, — тоже. Или забился куда-то. До ночи просидит, а там как-нибудь доковыляет, если не попадётся докторам», — прикинула Таня.

Правда, кроме грифарлусов здесь попадаются вэлки и улуты. Улут, медлительный, размером со стог сена слизняк, может сожрать спящего или раненого. Гово-

рят, его желудок переваривает добычу несколько дней, и большую часть этого времени она остаётся живой.

Вэлк — дело другое. Маленький, длинный, как ласка, хищник выскакивает из малозаметных нор под корнями деревьев. Острыми как бритва зубами мгновенно вырывает из тела жертвы кусок мяса размером с яблоко и вновь скрывается в норе. Там у него детёныши. Их опасно оставлять надолго. Вэлки очень заботливые родители.

Таня не позволяла себе думать о тех, кому не повезло. Думать надо о себе. Зазеваешься, собьёшься с дыхания, не успеешь рвануть перед самым финишем — и всё. Ставь на мечте крест.

Она бежала ровно и неутомимо, держа за щекой медную монету. С монетой не так хотелось пить. И она же служила тестом на усталость — ещё до того, как Таня начнёт уставать, ей захочется её выплюнуть.

А спины всё мелькали впереди, раскачиваясь от бега. Десятки спин, сотни. Каждая спина — соперник, каждая спина — конкурент в битве за выживание. Возможно, не все враги, но каждый наступит на горло, когда упадёшь: своя-то жизнь важнее.

Правила простые. Дистанция — тридцать верстул. Десять верстул — чащоба, десять — болото, и последние десять — по пересечённой местности. Первые семь финишировавших получают возможность вырваться из этого мира. Остальные не получают ничего. Кому-то придётся отложить мечту на год, а кому-то уже насовсем, если вышел срок.

Очередные десять верстул бежать пришлось через болото. Его так и называли — Болото. Никакого отдельного названия. На плоской, лишённой гор равнине Болото лежало как клякса. Над Болотом поднимался белый туман испарений. Из-за них Таня ощущала во

рту безнадежную сухость. Даже монета помогала плохо. Отчасти Таню утешало, что и другим не легче.

Уже несколько раз она обгоняла тех, кто сошёл с дистанции. Двое парней ковыляли, держась за животы. Лица у них были жуткие: зелёные, с фиолетовыми полукружьями под глазами. Должно быть, бедняг вконец замучила жажда и они рискнули напиться из ручья в чащобе. Ещё одна девушка, кажется, Таня видела её прежде, скорчившись от боли, каталась в камыше и умоляла помочь ей. Дважды она выползала на насыпь, но её пинками отбрасывали обратно: на насыпи она мешала бегущим. Таня так и не поняла, что с ней. Или вывих, или снова укус гнирды. Змей здесь полно. Обычно они прячутся в низинах и под влажными валунами, но от постоянного сотрясения почвы сотнями ног у них всё путается в голове и они становятся агрессивными.

По центру Болота тянулась насыпь — земля и камень. Слишком узкая для семисот человек, бегущих толпой. Началась давка. Таня оглянулась, и ей стало не по себе.

Теперь, когда вся масса бегущих вытянулась как змея, повторяя сложные изгибы насыпи, стало видно, как же их много. Таня и раньше знала, сколько у неё соперников. Она стартовала вместе с ними. Но на старте все были выстроены на равнине четырнадцатью цепочками по пятьдесят человек и можно было видеть только свою цепочку и ещё одну впереди. Не так много и не так страшно. А тут она вдруг охватила взглядом всю массу разом. Кажется, за тобой целая армия. И почти такая же армия впереди. Таня находилась где-то в середине, ну, может, от силы в первой трети.

Засмотревшись на бегущих, Таня споткнулась и сильно ударилась большим пальцем левой ноги о ка-

мень. Боль была острой. В глазах заплясали чёрные пятна. Но не боли она испугалась, а того, что можно сойти с дистанции. Не переставая бежать, чтобы её не снесли, Таня испуганно пошевелила пальцами. Уф! Облегчение! Нет, не сломала, ушибла, но пальцы надо беречь. На ней тонкие мокасины, а не грубые сапоги. Если побежать в сапогах — для ног, конечно, безопаснее, но это только на первых десяти верстулах. Потом портянка размокнет от пота, собьётся, и ступня превратится в жуткий шмат мяса. Из тех, кто бежал в сапогах, до финиша добирались треть. Редко больше. Таня предпочитала не рисковать.

Впереди что-то произошло. Спины заметались, ругаясь и огибая кого-то. Недалеко от Тани кто-то, закричав, размашисто ударил соседа, и, насмерть сцепившись, бегуны покатались по камням, пока не оказались в Болоте.

«Ещё минус два! Неплохо!» — подумала Таня.

Особенно её порадовало, что один из скатившихся в трясины, некий Кузья-Тузья, входил в число фаворитов сегодняшней гонки. А теперь его можно больше не опасаться.

Сама Таня драк пока избегала, хотя несколько раз её грубо провоцировали. Подрезали, хватали за плечи, а один раз, придерживая, вцепились в волосы. Ничего. Она потерпит. Пусть лучше тебя кто-нибудь пнёт — ему же хуже: собьётся с дыхания, потеряет ритм или (вообще отлично!) повредит пальцы на ноге.

В толчее кто-то попытался срезать у Тани флягу, в которой ещё оставалась вода. Она оглянулась. Парень с криво растущим передним зубом отпрянул и стал демонстративно смотреть в сторону.

«Лопух! — презрительно подумала Таня. — Кто ж так срезает — внятяг? Надо правильно срезать, с под-

хватом! И, главное, побольше толчеи! В ухо-то чего пыхтеть?»

Показывая кривоzubому, как нужно работать, Таня носком правой ступни придержала ногу мчавшейся впереди высокой девицы. Девица выглядела такой красной, потной и выжатой, словно бежала по чащобе не несчастных три часа, а минимум сутки. В жалкой попытке удержаться клуша вцепилась в плечо парня, который бежал перед ней, и опрокинулась с ним вместе. Подножка была такой мгновенной, что сама девица даже не поняла, почему оказалась на земле.

О них ещё кто-то споткнулся, и сверху мгновенно выросла куча-мала. Сделав вид, что тоже упала, Таня ловко нырнула в кучу. С одного пояса она сдернула нож с перламутровой ручкой, с другого — песочные часы на цепочке, окованные серебром. Прежде чем сунуть добычу за пазуху, Таня насмешливо продемонстрировала нож и часы кривоzubому парню. Тот отвернулся, делая вид, что не завидует.

Конечно, нож и часы очень приметны — ну и что из того? Если до завтрашнего вечера хозяин не отыщет и не вернёт вещь, она переходит к Танье и становится полной её собственностью. Хозяин не имеет права забрать её, как бы ни был сердит. Только украсть обратно. Для того и нужны кражи, чтобы люди учились думать и всегда были настороже.

Таня чуть замедлилась и бежала, стараясь дышать носом и не очень глубоко. Испарения Болота ослабляют. Если кто-то этого не учтёт, свалится через пять-шесть верст.

Вдох-выдох. Вдох...

Таня вдыхала, выдыхала и вспоминала. У неё 882 гранда. Число 882 она представляла себе так отчётливо, словно сознание было блюдцем, а три цифры просто

лежали на нём. Две восьмёрки как два перекрученных каната и плывущая лебедем двойка. Она зарабатывала их день за днём, тряслась над ними, сберегала от штрафов.

Гранды — это не самородки. Купить на них ничего нельзя. Гранды — это баллы, накопленные за время обучения.

Послышался нарастающий гул. Все торопливо пригнулись. Над головами, раскинув огромные крылья, пронёсся крупный стрекот. Промахнулся. Да и не особо старался. Таня отметила, что стрекот сыт и летит тяжело. Ещё бы — столько корма на равнине. Кто-то из замыкающих, скорее всего Верча Пугай, выпустил вслед стрекоту стрелу.

«Вот шляпа! На что она, интересно, надеялась? — осуждающе подумала Таня. — Попасть стрекоту в глаз? Да ещё била в треть натяга. А хорошие стрелы стоят два самородка за дюжину».

Стрекоты покрыты не перьями, а тонким, чрезвычайно прочным панцирем из множества отдельных пластин. Когда стрекот летит, пластины гудят на ветру, и получается звук, будто кто-то играет листом железа. Из пластин стрекотов кузнецы склёпывают нагрудники. В бою они легки, а удара не пропустят. Только с копья и просадишь.

Изредка Таня немного отпускала вперёд бегущие спины и старалась высмотреть в толпе Гулеба. Как и она, Гулеб слишком дальновиден, чтобы сразу вырваться вперёд. Смысл? Когда мчишься первым, твоя спина — дразнящая мишень для отстающих. Беднягам достаётся большая часть отравленных шипов, которые припасены у каждого. Разумеется, правила это запрещают, и за отравленный шип могут вздёрнуть, но ведь нарушение надо ещё доказать...

Опять же, не исключено, что один из тех, кто не имеет шанса победить честно, подвесил над тропой мешок с таранталиусами или протянул у земли тонкую прозрачную леску, которая тянется к спуску самопала. Задень её — и твой частный финиш наступит раньше, чем ты надеялся. Таня не вырывалась пока вперёд и держалась в общей массе и по этой причине тоже.

Она не забыла позапрошлую Великую Гонку, когда сразу четырнадцать фаворитов сорвались вместе с подвесным мостом в мелкую быструю реку с каменистым дном. Кто расклепал кольца на опорных столбах, так никогда и не узнали. Но, похоже, побеспокоились ещё с вечера.

Попыток найти виновного никто не предпринимал. «Смотрите на вещи трезво. Не можешь взять силой или скоростью — бери умом», — сказала мать-опекунша Чумья, разглядывая победителей, стоявших на Холме Удачи. Вот и сегодня не исключено, что кто-то попытается «взять умом».

Таня ещё высматривала Гулеба, не понимая, куда он подевался, когда неожиданно послышался короткий крик и — почти одновременно — всплеск. Многие остановились, с острым любопытством наблюдая, как в Болоте всего в метре от насыпи барахтается Юрсон Иди-От-Сюд. Таня даже усомнилась, он ли это или просто кто-то похожий. Не может быть, чтобы так просто! Юрсон-отличник, Юрсон-предусмотревший-все-на-свете, Юрсон — фаворит гонки, Юрсон-везунчик — и вдруг в Болоте?!

Пробиваясь к краю насыпи, чтобы наверняка убедиться, что это Юрсон, Таня зацепила плечом высокого парня. Тот обернулся, и она узнала Гулеба. Лицо у Гулеба было очень грязное, но крайне довольное. На скуле запеклась кровь. Или колючая ветка по лицу хлестнула,

когда все продирались через чащопу, или кастетный перстень с царапкой оставил рваную рану. Вспомнив массовую драку в овраге, где приходилось взбираться по крутому глинистому склону, в то время как задние вцеплялись в одежду и сдёргивали вниз, Таня склонилась к кастетной гипотезе. Кстати, овраг очень помог. Там осталось человек шестьдесят, включая двух фаворитов.

— Жаль, что не в глаз! Меньше бы на меня пялился! — проворчала Таня.

Говоря по правде, Таня была довольна, что Гулеб дешёво отделался. Он ей нравился, хотя она скорее позволила бы иглицу себе под ногти вогнать, чем признала бы это вслух. Волосы у Гулеба иссиня-чёрные, длинные, не схваченные сзади ни шнурком, ни резинкой. Когда они начинали лезть в глаза, Гулеб присаживался на корточки перед первой попавшейся колодой и отмахивал чёлку острым как бритва топориком. Прямо так, не задумываясь. Лицо смуглое, точно навсегда загорелое. Брови смыкаются, к краям же становятся густыми. Прямая чёрная черта. Другая такая же черта — рано пробившиеся, тоже очень тёмные усики. Зубы мелкие, но белые и острые, как у хорька.

— Это Гулеб его! Я видела. Подождал, пока Юрсон оказался на краю насыпи. Наскочил сзади — ну он и улетел... — поймала Таня осторожный шёпот. Она оглянулась, чтобы понять, кто это шепчет, но лиц вокруг было множество.

Конечно, могли и врать, но, вспомнив, каким довольным было лицо у Гулеба, когда она его увидела, Таня не усомнилась: так всё и произошло. Умный и осторожный, Гулеб зачищал опасных конкурентов. Короткая яростная схватка, когда непонятно, с чего всё началось и кто напал первым. Резкий удар, подножка — и тот, кто не сумел мгновенно собраться, улетает с насыпи.